
АНТОН РАТНИКОВ

ЧЕЛОВЕК АПОКАЛИПСИСА

Рассказ

Развернулась осень во всей красе.

Затем налетел ветер, пошли дожди — красу сдуло и смыло.

Город стоял, голый, как поруганная проститутка.

Стало зябко, и умные люди кутались в шарфы и огромные куртки.

Умные, не я.

Утром не посмотрел в окно, проспал, выпрыгнул в жизнь едва ли не в пижаме. Какие-то легкие носочки, рубашка (без футболки), летняя ветровка, джинсы.

Джинсы еще сели после стирки, или я потолстел после лета... Не поймешь.

Ехал на работу в метро и все как-то чесался, поводил плечом, чувствовал себя, будто на мне чужая кожа.

Приехал на работу — там ходят серьезные, улыбающиеся люди в костюмах.

Жутко.

— Как выходные? — спрашивают.

— Так прошли, что устал.

Тут меня вызывает умывальников начальник и мочалок командир. В смысле босс. Он у нас грузный, но что касается придумок — необычайно легкий человек.

— Ну, — говорит, — ты у нас главный массовик-затейник?

— Я если и затейник, то точно не массовик. Предпочитаю соло.

— Отлично! — оживился босс. — Вот и поедешь с ответственным заданием на «Ленфильм»...

Вообще начало получилось удивительным. Где я — и где «Ленфильм»?

— Что мне там делать? — спрашиваю.

— Скоро у нас праздник, корпоратив. Слышал? Ну так вот. Решили, что корпоратив будет костюмированный. Вернее... полукостюмированный. Разыграем сценку из «Евгения Онегина».

— Какую? Где Татьяна пишет письмо?

— Лучше! Дуэль! Соответственно нужны костюмы. Два.

— А пистолеты?

— Пистолеты тоже нужны. Но у нас вроде в редакции есть.

— В редакции есть пистолеты?

Антон Александрович Ратников родился в 1984 году в Ленинграде. В 2014 году окончил Высшую школу режиссеров и сценаристов. Входил в шорт-лист Волошинского конкурса, лонг-лист премий «Дебют», «Русский Гулливер». Публиковался в альманахе «Взмах», журналах «Нева», «Звезда», «Октябрь», «Аврора», «Кольцо А». Лауреат премии журнала «Нева» за 2014 год. Участник XIV Форума молодых писателей России, стран СНГ, зарубежья. Член Союза журналистов Санкт-Петербурга.

— Конечно!

Босс сделал ловкое, совершенно не свойственное ему движение, буквально в два шага оказался у шкафа со всякими дарами и выгреб оттуда коробку с двумя историческими пистолетами.

— Ого!

— Это муляжи... — успокоил он меня. — Ведомственный подарок.

Я не стал спрашивать, по какому конкретно ведомству прошла посылка.

— Хорошо, — согласился я. — А при чем здесь моя персона?

— Ты, я слышал, в театре занимался?

— Было дело... Двадцать лет назад... А откуда вы знаете?

— Я все знаю. Я же редактор!

— Ага...

— В общем, организация сценки на твоей совести. Понял?

— Нет.

— Врешь. Все ты понял. Ты ведь по сути своей — режиссер.

Мне это льстило. Но я стал прокручивать в голове идеи — как от всего этого благополучия отвертеться... А вот почему-то не лезли в голову мысли. Вообще.

— Это несправедливо, — изрек я. — Да и, потом, с этими остолопами разве что поставишь? Кто у нас будет Ленского играть?

— Найдем. Для начала костюмы добудь, а там уже людям будет не отвертеться.

Вздыхнул. А что делать? В конце концов, нужно во всем искать позитив. Поездка на «Ленфильм» всяко лучше, чем на работе весь день сидеть.

Мне выдали какие-то бумаги. Предстояло заключить договор или что-то в таком роде.

Вышел на природу. Природа печалилась, плакала и заливала меня слезами. «Нужно было, — думаю, — у главреда зонт одолжить, он у него симпатичный, серенький».

Но возвращаться — плохая примета. Я поскакал по лужам.

Мимо меня проехал троллейбус — из-за стекла смотрели в бездну грустные глаза пассажиров. Четверо рабочих окружили яму в асфальте и, сурово куря, смотрели в нее, будто ожидали, что из ямы покажется какое-то существо или, может, она сама по себе заделается. У метро человек в костюме крокодила раздавал рекламные листовки. Рекламировали, кстати, ювелирный салон. Еще стрельнула в голове мысль: при чем тут крокодил?

На входе в метро меня как следует проверили. Рюкзак просветили специальным прибором. Процедура заняла какое-то время. Прибор сломался и не хотел отдавать рюкзак.

— Лента барахлит, — объяснил охранник в синей спецовке. Лицо его выражало полное отсутствие интереса к происходящему.

Вагон приехал полупустой, и сидеть было почему-то очень приятно. Даже не хотелось выходить на поверхность.

Задумался об Евгении Онегине. Помнится, жил у нас во дворе один вор-рецидивист с погонялом «Леший». Так этот Леший любил слушать пересказы всяких классических сюжетов. Тормознет какого-нибудь школьника во дворе.

— Эй, — говорит, — что по литературе проходили? Ну-ка рассказывай!

Ему рассказывали. Правда, местные школьники литературой увлекались в гораздо меньшей степени, чем Леший. Поэтому пересказывали истории плохо. Путались в показаниях. Леший таких пугал. Говорил, чтоб выучили. И его боялись, учили. Потом возвращались на пересдачу... В общем, можно сказать, что он был такой факультативный учитель литературы.

И меня Леший как-то поймал.

— Что, — говорит, — по литературе сегодня было?

— Евгений, — отвечаю, — Онегин.

— И что там? Говори!

Я вкратце пересказал ему сюжет. Онегин едет на бульвар. Мой дядя самых честных правил. Татьяна Ларина. Ленский. Дуэль. Генерал. Путешествие Онегина благоразумно опустил. Как и сам автор.

Леший закатил глаза. Задумался.

— Да, братан, скажу тебе, что не прав твой Онегин. Сильно не прав...

— Думаете?

— Не по понятиям так поступать. Ну, с Ленским.

— Согласен.

Спорить с Лешим не стоило. Это говорила практика. Опыт.

Потом я вообще стал его личным чтецом. Пересказывал ему сюжеты мировой литературы. Илиаду, Гаргантюа и Пантагрюэля, Жюль Верна. Особенно он «Пятнадцатилетнего капитана» полюбил... Но потом Лешего посадили — и все это закончилось. К счастью...

Тут поезд подъехал к моей станции...

На «Горьковской», несмотря на дождь, какие-то десантники исполняли патриотические песни под гитару. Перед ними танцевал, лихо выкручивая руки, бомж в пальто.

«Ленфильм» скрывался в глубине двора. С проспекта можно и не заметить, пропустить.

В холле никого не было. Даже окошко бюро пропусков было законопачено.

— Куда? — спросил охранник.

— За костюмом.

— А-а-а...

— А не подскажете, куда идти?

— Не знаю.

В этом «Ленфильме» можно было заблудиться. Лестница то шла вверх, то срывалась вниз. Не лестница, а нескончаемые американские горки без тележек.

Наконец нашел договорной отдел. Там скучали три женщины, две из них — весьма миловидные.

Я вкратце объяснил, что мне от них нужно.

— Вы из издательства?

— Да, — согласился я.

— Тогда у вас по бартеру, — сказали они печально.

— Да, — ответил я, — денег у нас нет. Не платят даже сотрудникам.

— Оно и видно, — сказала самая несимпатичная из них. Хотя эта шпилька была не в мой адрес.

Я заполнил какие-то документы. Расписался в трех или четырех бланках. Вернул. Девушка посмотрела и отдала мне их обратно, намекнув, что я не там поставил подпись.

— Я думал, у вас тут храм искусства...

— Храм бюрократического искусства, — грустно сказала девушка.

Потом она объяснила, как мне идти до костюмерного цеха. Налево, направо, вверх, вниз. Выйти во двор...

— Хорошо, — сказал я и, покинув кабинет, тут же заблудился.

Стал ходить туда-сюда, как герой Семена Фарады из «Чародеев». Наткнулся на самодетельный мемориал «Гамлету». Перед картонкой с изображением Смоктуновского лежал пластмассовый череп. Вот он, мир искусства!

Побродил еще. Открыл дверь, за которой сидели трое пожилых мужчин и курили. Перед ними стояли стопки водки и банка с огурцами.

— Простите, — сказал я и закрыл дверь.

В общем, я так шлялся по «Ленфильму», пока мне вдруг не стало холодно. Тогда я понял, что где-то рядом тот самый пресловутый выход во двор.

И правда. Я толкнул некую хлипкую дверь, которая даже не открылась, а просто выпала наружу, и оказался во дворе.

На Голливуд это походило мало. Скорее, на задворки какого-то завода. Тлен и грусть окружали пространство.

Рыжая собака стояла посреди двора и удивленно смотрела на меня.

Возможно, она не ожидала увидеть человека.

Кажется, она была даже немного расстроена тем, что кто-то появился здесь. Но она смогла взять себя в лапы и потрусилась к стене, чтобы влезть в щель и исчезнуть с глаз.

Я прошел по двору. В углу ржавела груда табличек: «Парковка для режиссера Масленникова», «Парковка для режиссера Бортко»...

Никаких машин поблизости не было.

Навстречу мне попался человек в оранжевой спецовке.

— А где здесь костюмерный отдел?

Он пожал плечами.

— Такого нет.

— Как нет? Это же киностудия!

— Киностудия? Может быть. Я сам-то из «Теплосети».

И он пошел дальше, шаркая кирзой.

Наконец я отыскал двухэтажную постройку. Там действительно была табличка «Костюмерный отдел». Если судить по табличке, то он относился к Министерству культуры СССР. Табличка висела на одном гвозде.

Я дернул дверь. Она скрипнула и поддалась. Казалось, я иду в гости к начальнику колхоза. Потрепанная лестница вела наверх. Пахло плесенью. На втором этаже я нашел решетку. За ней сидела женщина и вышивала на руках чудный узор на полотенце. Женщина, казалось, вся пропиталась пылью.

— Здравствуйте, — сказал я, сделав шаг к решетке.

Женщина ойкнула и уронила свое творение, а потом начала его искать под стулом. Возраст у женщины отсутствовал, но очевидно, она была немолода.

— Вы кто? — спросила она.

— Я из газеты. Мне костюм нужен.

Женщина наконец смогла обрести упавшее полотенце. Вместе с ним к ней вернулись и хладнокровие.

— Так, — сказала она, поправляя передник, — пропуск есть?

— Есть.

Я протянул ей бумаги, которые мне выдали до этого ласковые девушки. Всю эту писанину со штампами.

Женщина внимательно на них посмотрела.

— Допустим, — сказала она. — А что вам надо?

— Там же написано. Костюм. Точнее — два костюма.

— А какая эпоха?

— Эпоха?

Я задумался. Романтизм? Классицизм? Эkleктика?

— Начало девятнадцатого века. Пушкин.

— Ах, Пушкин. Ну, этого добра навалом. Вот если восемнадцатый век брать...

Но восемнадцатый век брать я не собирался. Он мне был ни к чему. Батюшков, Баратынский — все это прошлое.

Она открыла решетку — и решетка, тоже со скрипом, поддалась. Женщина призывно махнула рукой. Мы прошли небольшую каморку и оказались в царстве костюмов. Они занимали все пространство, только что на потолке не висели. Между ними оставались лишь небольшие проемы, где мог пройти не очень толстый человек.

— Айда, — сказала она и скрылась в мундирах времен Бородинского сражения. Мундиры, кстати, выглядели потрепанно. У многих недоставало пуговиц. Где-то хорошо покуражилась моль. Но костюмы висели себе и висели, казалось, они так и будут тут висеть, пока не истлеют.

Я словно плыл в море трикотажа. Только моя голова торчала над волнами. В какой-то момент я потерял женщину из вида, и у меня даже началась паника, что я не успею ее найти и пропаду.

Но женщина сама появилась откуда-то сбоку.

— Посмотрите. Подойдет?

В руке она держала шест, похожий на тот, с которым прыгают в высоту олимпийцы. Она ловко взяла этот снаряд и сняла откуда-то с верхотуры вполне себе пушкинский костюм — фрак с накидкой.

— Вроде то, — сказал я, присмотревшись. — Еще один нужен.

— А размер?

— Ну примерно, как на меня.

Она всмотрелась куда-то вверх, потом сделала резкое движение своим шестом и сняла еще один комплект.

— Подойдет?

— Надо бы померить.

— Меряйте. Я отвернусь.

И она действительно отвернулась.

Я почувствовал себя беззащитным.

— Слушайте. Я так не могу. Не могли бы вы... отплыть подальше.

Женщина посмотрела на меня, надув щеки. Будто я доставлю ей дискомфорт своей стеснительностью.

— Ладно, — сказала она. — Отплыву.

И она технично скрылась из виду.

Один костюм оказался мне мал. Но я тут же прикинул, что он подойдет нашему фотографу. Саша — щуплый, питается в основном бананами и печеньем. И не пьет. К тому же ростом он явно не Голиаф.

Второй костюм на мне смотрелся неплохо. Разве что немного жал под мышками. Но это можно пережить. Правда, рубашка, идущая в комплекте, потеряла былой лоск и превратилась из белой в желтую. А у фрака был надорван воротник... Но не беда. Жить можно.

Выплыл обратно.

— Ну как? — спросила меня женщина. — Сидит неплохо вроде.

— То, что надо. Только вот... Где взять цилиндр?

— Цилиндр? Ха! — она ударила себя по колену. — Такого у нас уже давно нет. Когда «Капитанскую дочку» снимали, все стырили.

— Цилиндры-то зачем?

— Не знаю. Может, хранят в них что?

Но без цилиндров — никак. Я точно знал это.

— А есть ли какие-то варианты? Может, где-то парочка цилиндров завалилась, а? Если вы понимаете, о чем я.

Женщина засуетилась.

— Понимаю, конечно, понимаю... Может, у гримеров что есть... Вы посидите здесь.

Она вскочила и убежала. А я остался один. Посреди всего этого великолепия.

Сел на лавку. На стенах висели плакаты с изображениями разных костюмов: Арлекин, мушкетеры, советские солдаты. И парочка советских агитплакатов: «Сон на рабочем месте на руку врага Отечества», например. И еще почему-то «Не перебегайте пути в неполюженном месте». Дождь вроде кончился, но было сыро. Непонятные блики играли на стене. Костюмы словно надвигались на меня...

Тут в костюмерную ворвался мужчина в ватнике.

— А где Михална? — спросил он.

— Ушла, — ответил я и добавил для солидности: — За цилиндром.

— Ясно. А ты из группы?

— Нет. Я так. Сажу здесь.

— А что в костюме?

Я уже и забыл, что я во фраке.

— Долго рассказывать.

Тут его лицо переменялось.

— А ты не Пушкин, случайно?

— Пушкин. Вернее — Онегин. Но, может, и Пушкин.

Он закурил губу.

— Тут идея одна есть. Пойдем с нами.

— Куда это?

— В мир кино!

Похоже, что парень не шутил.

— Слушайте, мне на работу надо... И вообще, я цилиндр жду.

— Мы тебе парик дадим. Пушкинский. И вообще, это ненадолго.

Пришлось ему поверить. Хотя верить и не хотелось.

— А что я Михалне скажу?

— Я с ней разберусь. Не ссы.

Я не стал ссать. Пошел за женщиной. Даже его спина демонстрировала адскую уверенность в собственных силах. В завтрашнем дне. В послезавтрашнем дне. Во всем.

Мы вернулись в помещение. Прошли несколько поворотов. Перед нами оказалась маленькая дверь, что-то вроде тайного хода в каморке у Папы Карло. Мужчина с таинственной улыбкой потянул ее на себя. За дверью открылась ели и не Нарния, то что-то на нее похожее. На полу лежал снег. Передо мной возвышался небольшой уютный особнячок синего цвета с мезонином. В пяти шагах от него стояла карета, запряженная парой гнедых. Прохаживались люди, одетые по пушкинской моде. У некоторых в руках были кофейные стаканчики.

— Это здесь фильм снимают?

— Сериал, — поправил меня мужчина.

— А я вам зачем?

— Массовка. Видишь, людей нет.

Люди, на мой взгляд, все же были. Но я не стал спорить.

— А это надолго? — спросил я, взглянув на часы.

— Нет. Мы же профессионалы.

Я стал задавать ему всякие другие, не менее важные, на мой взгляд, вопросы, но мужчина только отнекивался. Потом к нему подошел другой парень, весь обмотанный проводами, и мужчине стало не до меня. Мою персону передали из рук в руки симпатичной девушке с рацией. Рация трещала и шипела, но девушке было абсолютно все равно — она только обворожительно улыбалась.

— Что мне делать? — спросил я.

— Для начала расслабьтесь. У вас выражение лица напряженное.

От этих слов я только еще больше напрягся.

Девушка тем временем внимательно осмотрела меня.

— Вам бы цилиндр...

— Знаю. Но Михална подкачала.

Девушка понимающе вздохнула. Мол, знаю я эту Михалну. Ей только дай волю!

— Вставайте вон туда, — сказала мне девушка, — и прохаживайтесь.

— Что делать?

— Прохаживайтесь.

— Это как?

— Ну, гуляйте.

И я стал гулять. Ходил от особняка до кареты и обратно. Руки я заложил за спину. Это должно было придать мне вид задумчивый и деловой.

— Что этот мудило там прохаживается? — крикнул кто-то в мегафон. — Уберите его!

Меня убрали. Оказалось, это был режиссер. Я прохаживался в том месте, но не в то время.

Налетели какие-то барышни, словно феи, стали втирать мне в щеки какие-то масла... На голове у меня оказался вполне себе приличный цилиндр.

— А когда мне ходить? — спрашивал я у них. — Ходить когда?

Но барышни только смеялись.

Режиссер же все орал себе в мегафон какие-то матюги. Потом ему надоело, и он стал декламировать Маяковского. Потом это ему надоело тоже, и он снова стал материться.

Я же сел в углу на скамеечке, увешанной газовыми фонарями. И ждал. Наконец на меня обратил внимание режиссер.

Он подошел ко мне и приобнял за плечи. Действовал он не то чтобы аккуратно.

— Понимаешь, — сказал он. — Я за то, чтобы сбросить романтическую вуаль с этого романа. Давай смотреть на него через призму реализма. Онегин устроил провокацию, сделал это намеренно и цинично, а потом совершил убийство, тоже намеренно и цинично. А почему он это совершил? Неизвестно. Во всяком случае, сам автор ответа не дает. И тут мы должны проанализировать образ Онегина. Ведь с ранних лет он научился лукавить и лицемерить, прекрасно разбирался в людях и умел ими манипулировать. Верить этому козлу нельзя.

— Да, — сказал я, — безусловно.

— Ты пойми... Само отношение Онегина к жизни трагическое, он саморазрушением занимается, это человек апокалипсиса. Солнце гаснет... На первую репетицию я принес такой образ: солнце гаснет. В Онегине изначально нет тепла. Возможно, все стоит закончить его самоубийством... Ведь любви нет. Нет.

— Любви нет, — повторил я.

— Каждый, кто сталкивается с Онегиным, разрушается его холодом. Это даже страшнее, чем Дон Жуан. У него все от гордыни. Никакого романтизма! Когда он приехал в Петербург и увидел, кем стала Татьяна, он решил взять реванш.

— Конечно, — согласился я, — реванш!

— Но он не способен пройти через чистилище. Если думать, что он влюбился и приполз к Татьяне на коленях, получается какой-то бред. В Онегине нужно продолжать видеть Онегина...

Я достиг катарсиса.

— Согласен на все сто!

— Когда я крикну «Мотор», просто пройди правильно — от той вот метки, — он показал на пятно у особняка, — до вон той вот метки, — он указал на другое пятно, у кареты. Сделай это с чистым сердцем. Давай!

Я вернулся к особняку. Постарался очистить сердце. Получилось, более или менее.

— Мотор! — крикнул режиссер, — Поехали!

И я поехал. В смысле пошел. Телефон звонил в кармане, но я не обращал на это внимания. Только краснел, как дурак. Звук, понятное дело, подчистят при монтаже.

Мы записали еще пять дублей. Все вроде было удачно. Режиссер был мной доволен. Больше меня не материл.

— Следующая сцена! — наконец скомандовал режиссер

— Я свободен? — спросил я.

— Словно птица в небесах.

Я хотел попрощаться с девушкой и с мужиком в ватнике, но они куда-то скрылись.

Тогда я вышел в коридор и стал опять плутать. С шестой или седьмой попытки попал обратно, к Михалне.

— А я думала, ты сбежал, — обрадовалась она мне. — Сбежал — и бумаги оставил.

— Я на такое не способен, — честно ответил я.

— А цилиндр где взял? — спросила она и опять надула щеки.

— Дали на съемочной площадке. Надо бы вернуть.

— Вот мне и верни.

Я вернул.

— А вы цилиндр нашли?

— Нет.

— А дайте тогда этот.

— Не могу.

— Почему?

— Дефицит.

— Какой же я Пушкин без Онегина? В смысле Онегин без цилиндра?

— Не дам, — упрямо повторила старуха-процентщица.

— Ну и ладно, — сказал я, обиженно взял бумажки и ушел.

Поскольку ехать обратно в costume начала девятнадцатого века было все же странно, я переоделся в местном туалете. Рядом со мной все это время молча курил какой-то хмурый тип. Он курил и косился на меня. А я молчал.

На обратном пути уже не было десантников, а вагоны ходили забитые под завязку.

Когда я вернулся в офис, все уже расходились.

— Да, — сказал босс, не скрывая разочарования, — в следующий раз я тебя за смертью пошлю. Тогда спокоен буду.

— Бросьте! Меня в кино пригласили. Вернее, в сериал.

— Как называется-то?

Я задумался. Черт его знает! Не спросил что-то...

— А Онегина, — сказал я, — нужно обязательно поставить. Я теперь все о нем знаю.

Я готов ему сопереживать, потому что он несчастен, но я ему не верю.

— Ты бредишь, что ли? — осведомился босс.

— Никак нет.

— Тут мы, кстати, о капустнике подумали. Не будем Онегина ставить. Сконцентрируемся на современном искусстве. Обыграем дуэль Оксимилона и Гнойного.

— Кто это?

— Рэперы какие-то. Парни говорят, сейчас модно.

— А костюмы? — обиделся я.

— Костюмы завтра обратно отнесешь. Только... давай-ка после работы.

И он грустно так на меня посмотрел.